

О. В. Добродум

*кандидат политических наук, доцент,
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова*

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ И РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье констатируется, что культуру современного глобального этоса можно рассмотреть под углом зрения проблемной взаимосвязи религии и политики. Ксенофобия зачастую пронизывает культуру в разных ее аспектах. Глобализация культуры знаменует появление массовых эклектических форм религии.

Ключевые слова: глобализация культуры, религиозные и политические конфликты, постмодерн, политкорректность, дискурс.

Большое значение для глобализации культуры имеют процессы, происходящие в области политики и религии: ксенофобия зачастую пронизывает культуру в разных ее аспектах, а определенное сращивание религии и политики может играть как конвергентную, так и дивергентную роль [3]. Философия истории зачастую характеризуются взаимодействием религиозного и политического компонентов культурной жизни, понимавшемся как союз Алтаря и Трона, Креста и Короны, Царства Бога и Кесаря, Града Божьего и Града Земного, мира горнего и мира дольнего, сакрального и профанного, небесного и земного, сверхъестественного и естественного, божественного и мирского, духовной и светской культур, клириков и мирян и т. п. [11].

Симбиоз культурной, религиозной и политической идентичностей можно проиллюстрировать воззрениями Дж. Вико о том, что «все нации произошли от какой-нибудь религии», Ш. Пеги «Все начинается с мистики, а заканчивается политикой», представлением А. В. Луначарского о «политическом жале» религии и высказыванием М. Ганди: «Не думаю, что религия не имеет отношения к политике. Политика, отделенная от религии, подобна трупу, который только и можно похоронить». А. Тойнби полагал, что, когда тускнеет государственная жизнь, эпицентр

определяющих событий переносится в религиозно-церковную плоскость. Религиозно-политическую ангажированность мировоззренческих матриц отмечал и Г. Кюнг, утверждая, что мира во всем мире не будет, пока не будет мира между религиями.

Спектр взаимоотношений культурной, религиозной и политической картин мира (будь то доктрины «двух властей», «двух мечей» или «двух сфер», концепты «цезарепапизма» и «папоцезаризма», модели имперских, политических и гражданских религий) являлся предметом рефлексий многих философов, теологов, религиозных и политических деятелей. Так, еще Ф. Аквинский утверждал, что солдат, ведущий войну за правое дело, все равно, что святой, а Ф. Кастро подчеркивал, что революционеров и христианских святых сближает их глубокая вера в правоту дела, способность к самопожертвованию. И. Я. Кантеров обращал внимание на такие полярные вещи в религиозно-политическом взаимодействии, как союз клерикализма и милитаризма, альянс Библии и винтовки [1].

Х. Миллер отмечал, что якобы в истории во имя религии велось больше войн и преследовалось больше людей, чем по какой-то другой причине: «Нигде имя Бога и призыв к справедливости не встречаются так часто, как на знамени и щите завоевателя» [12, р. 52]. А Н. А. Бердяеву принадлежит афоризм: «Государство существует не для того, чтобы превращать земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад» [7].

Как культура и религия в начале XXI в. могут восприниматься и глобализация, и демократия, и права человека, и светскость, и модернизация, и даже трагедия 11 сентября 2001 г. (так называемый «феномен 9/11»). В современной глобальной культуре, когда стала очевидной тенденция пересмотра некоторых систем мироустройства (вестфальской, ялтинской и т. п.), конфессиональный фактор приобретает важное значение.

Подобная фронтальная ситуация, проявляющаяся в виде культурных парадоксов и коллизий турбулентных и текучих идентичностей, иллюстрирует преждевременность ожиданий отмирания религии в неолиберальном обществе: напротив, констатируется противостояние религиозного фундаментализма рыночному. Культурологический тезаурус включает понятия политической теологии и теологии политики, политического протестантизма и политического православия, представления о «преображении» Америки и «перезагрузке» Святой Руси, «вавилонизации» мира и деятельности новых религиозных движений

(НРД) в угоду американским интересам, миссионерских войнах за демократию и пр.

Семантические коннотации религиозной культуры начала XXI в. противоречивы, будучи представленными как внецерковная, мультиконфессиональная, профетическая, харизматическая, неоспиритуалистическая, неогностическая, трансцендентальная, неинституциональная, приватная, синкретичная, деконфессиональная, пантеистическая и т. п., а ее активность смещается в сторону глобального Юга. Эти черты заметны не только в посткоммунистической России, в значительной степени секулярной стране, но и в более религиозных США, считающихся единственной западной страной, чудом избежавшей секуляризации.

П.Бергер и другие теоретики религиозной и культурологической мысли, писавшие о «возвращении религии», «возрождении религии» (религиозном ревайвализме и ревитализации), имели в виду, прежде всего, возрождение фундаменталистских религий [10]. С другой стороны, проявляется напряженность между различными религиозными мировоззрениями и просвещенным секуляризмом, порой предстающим, подобно коммунизму, некоторой формой религии.

Достаточно часто тематика политкорректности как одна из составляющих глобализации и креолизации культуры дает о себе знать в американской и российской религиозной жизни, причем одной из тем подобного рода конфликтов являются праздники. Так, Рождество в США обозначается как «Зимний праздник», Пасха — как «Весенний праздник», пасхальные яйца в Америке переименовывают в «весенние шарики». С 2000 г. почетные граждане получают из Белого Дома поздравления с «Сезоном праздников» в связи с объединением Рождества, иудейской Хануки и афроамериканского праздника Кванзаа, а также введением нового государственного праздника «Крисмука» как конвергенции Рождества (Christmas) и Хануки.

Как отмечает Д. А. Разумовский, эпохе постмодерна сложно согласиться с онтологической разностью сакрального и профанного, храма и торгового центра, поста и карнавала, участия в Рождественской службе и «рождественского шоппинга». Политкорректная направленность культурной жизни приводит к тому, что Рождество должно быть переименовано в «зимнее солнцестояние», а Христос уступить место Санта-Клаусу; органической кажется демонстрация «веселой относительности всего» [6].

После II Мировой войны имеет место культурное брожение и богиоскательство за пределами существующих религиозных институтов,

этот поиск выражается, в частности, в «секулярной теологии», «радикальной теологии», теологии «смерти Бога», теологии «смерти теологии», религиозных нигилистических мотивах, милленаристских и эсхатологических веяниях, увлечении дальневосточными религиями в ответ на состояние духовного кризиса технократического общества, новом утопизме и мистицизме, гедонистическом, проникнутом пантеистическими мотивами, навеянном ЛСД (согласно установкам: «рай — немедленно, вечность — сейчас», «здесь и сейчас, а не там и тогда»).

США являются родиной неожиданных и порой парадоксальных форм и разновидностей теологии, среди них: радикальная теология, теология игры, теология воображения, развлекательная теология, комическая теология, психотерапевтическая теология, нейротеология, гомосексуальная теология, феминистская теология, эко-теология, а также ряд контркультурных, психоделических, трансцендированных и метафизических движений (постмодернизация Церкви). Метафорами современности становятся «богословие шведского стола», религия «горячей ванны», евангелие «полного холодильника», тенденции религиозного бриколажа, харизматизации (пентакостализации) религий, вело- и палаточная евангелизация, миссионерство в стиле рэггей и хип-хоп, такие феномены религиозной жизни, как Lite-церковь, Lite-евангелие, McGod, McFaith, McChurch и пр. [16].

Религиозная идентичность нашего времени предстает в многообразии своих дефиниций — диффузная, минимальная, бедная, секулярная, почти религия, подобная религии, религия для «чайников», религия «по рецепту», 3D/4D/5D-религия, религия-2.0/3.0/4.0, мультимедийная религия, 24/7-религия (24 часа в сутки 7 дней в неделю), новая массовая религия медиа-пространства и т. п. Западная культура адаптировала экзотические восточные традиции, создав такие суррогаты, как «либеральный евроислам», «суфизм-lite», «дзен-буддизм для чайников», «нирвана для непосвященных», «даосизм за 90 минут», «быстрорастворимое просветление» в рамках коммерческого проекта «облегченной духовности» в стиле «карма-кола», в рекламе которой христианская молитва — это синоним медитации, аутентичная мантра, духовная традиция, раскрывавшаяся через «метафору Креста».

Создаются новые формы религиозной организации: мегацеркви, виртуальные и интернет-церкви, неформальные церковные общности, малые религиозные группы. Для религиозной организации эпохи пост-

модерна актуализируются конструирование имиджа, выстраивание интенций, актуализация традиции и конгруэнтность тенденциям времени по формуле «вызов-ответ» [14].

США выступают источником возникновения многих инновационных тенденций религиозной идентичности. В контексте «медиевизации» и «музеефикации» религиозной жизни одновременно с религиозным ренессансом и «восстанием» НРД происходит и «реванш» восточных религий под флагом постмодернизма, веры без принадлежности и принадлежности без веры, религиозный консьюмеризм [15] (наподобие того, как П.Сорокин отозвался в свое время о пуританах, верующих как бы в «религию выходного дня»: «По воскресениям пуританин верит в Бога, а в остальные дни — в фондовую биржу»).

Семантические модели религиозной идентичности в достаточной мере апробированы в США: такая религиозность описывается как постмонотеистический мир, эзотерика модных религиозных брендов, вавилонский проект смешения религий, концепты «пустоты», «майи», «нирваны» как поп-язык нашего времени; акцентируется позитивная референтность спиритуальности в стремлении заставить религию сойти с исторической сцены; в религиозной системе координат воспринимаются артефакты культуры (неоязычество пантеона «поп-звезд»), философия с ее жрецами как предмет поклонения [4].

По мнению С. Строева, в эпоху постисторической виртуальности как итога глобализации культуры религиозные течения нередко возникают из литературных, художественных и музыкальных проектов и базируются на постмодернистской парадигме иллюзорности мира. В ситуации популярности гностицизма в современном сознании уживаются и библейский Иисус, и Иисус, научившийся искусству у брахманов, и Иисус, который женился на Марии Магдалине и основал династию Каролингов [8].

Со своей стороны, американские протестанты объявляют бойкот кампаниям, субсидировавшим постановки «Плейбой» и «Пентхауз», бойкотируют продукцию компаний «Pepsi» за поддержку гомосексуалистов, «McDonald's» за спонсирование гей-парада, «Ford» за рекламу автомобилей для геев и лесбиянок и т. п. Американцы переписывают классическую литературу «в целях политкорректности», религиозная реакция доходит до изымания из публичных библиотек произведений Дж. Элинджера, Э. Хэмингуэя и чуть ли не всего цвета американской

литературы, сожжения пластинок с рок-н-роллом, борьба с абортами — до погрома клиник, борьба с гомосексуалистами — до требований для них смертной казни.

Культурной реальностью современного этапа религиозной жизни в Америке становятся офисные священники и космические капелланы, мобильные дома поклонения в арсенале армии США и молитвенные станции в разных регионах мира, предлагающие молитву прохожим. Симптоматичными в этом контексте являются советы христианам «простудировать некоторые страницы учебника для сотрудников системы ресторанов «McDonald's» и поучиться у организаторов фаст-фуда искусству принимать людей, впервые переступивших церковный порог» [17], учитывать духовные и теологические ценности, которые несут с собой мюзиклы [18].

В контексте данного исследования можно отметить также широко распространенную тенденцию современного культурного и религиозного антиглобализма. В мусульманском мире в разных аспектах его жизнедеятельности актуализируется антиамериканский импульс. Представители ислама выражают политкорректную точку зрения на игрушки: «хорошими игрушками» становятся лук со стрелами и мишенью, куклы-дети, «плохими игрушками» — черти (бесы), плюшевые поросята. В 2001 г. мусульманские лидеры стран Персидского залива «объявляют войну» детской игре «Покемон».

С другой стороны, и в США, и в России прослеживается тенденция модификации культурной и религиозной идентичности, когда магазины и торговые сети приводят свою продукцию в соответствие с нормами ислама: продавцы стремятся не выставлять на полки своих магазинов продукты, содержащие свиной жир, производители — исключить желатин при производстве косметики и бытовой химии. Мусульманская мода оказывает ощутимое влияние на колорит одежды дизайнеров, в сфере пошива одежды все яснее проглядывается тенденция миди и макси, ТВ и радиовещание также пытаются не обидеть мусульман, меняя сетку вещания, снимая с эфира «оскорбительную» рекламу, издаются брошюры и каталоги продукции и услуг на арабском языке и т. п.

В качестве мусульманской реакции на барбизацию мира и на фастфудизацию культуры можно интерпретировать то, что турецкое Министерство по делам религии объявляет Барби и «Человека-паука» врагами мусульман, а для альтернативы рекомендованы куклы китайского производства, читающие Коран и исполняющие религиозные гим-

ны. В 2008 г. в знак протеста против принятия резолюции о признании геноцида армян Палатой представителей США в Турции сжигаются десятки американских игрушек, в том числе кукла Барби и Человек-паук [2].

«Кинематографической империи» инкриминируют формирование нового (исламского) образа врага: если раньше им был красноармеец в валенках и рваной треухе с аршинной звездой, то теперь им стал араб с Кораном в руке и «поясом шахида». З. Бжезинский в труде «Великая шахматная доска» указывает на то, что серьезную роль во внедрении в мире американской идеологии и культуры играют голливудские творения: так что «арабо-мусульманские» образы врага — большая и продуманная политика (цит. по: [5]). Видеофильм Г. Вилдерса «Фитна», в 2008 г. запрещенный к показу в Европарламенте, планировался к показу в стенах Конгресса США, однако так и не был показан. А в 2006 г. ЦДУМ России обратилось к властям с просьбой о запрете фильма «Код да Винчи».

Интенсивное развитие спутникового ТВ в мусульманском мире порождает феномен «спутниковых фетв». К власти в исламских странах стало приходить поколение Интернета, «Аль-Джазиры» и «Facebook», породив двоякие последствия: с одной стороны, «Аль-Джазира» демонстрирует аморальные действия американцев и израильтян, тем самым радикализируя молодежь [13], с другой стороны, «мусульманскому пиару» способствует функционирование мусульманских телеканалов на сайтах www.islamtv.ru, <http://www.emin.tv/>, Международного фестиваля мусульманского кино «Золотой минбар», «Казанского международного фестиваля мусульманского кино», появление у ОИК собственного кинофестиваля и пр. В апреле 2007 г. «Youtube» начинает трансляцию катарского канала «Аль-Джазира» на английском языке, а в апреле 2008 г. состоится первый кинофестиваль в Саудовской Аравии.

Религиозной (мусульманской) тематикой ангажирована и сфера мультфильмов. Так, в 2006 г. турецкая государственная телекомпания отказывается от показа мультфильма про приключения медвежонка Винни Пуха из-за того, что одним из его героев является поросенок Пятачок. Конфликтогенны и попытки изображения пророка Мухаммеда: в октябре 2004 г. на экраны США выходит анимационный фильм «Мухаммед — последний Пророк», в мультсериале «Южный парк» также присутствует Мухаммед в серии «Суперлучшие друзья»: в апреле 2006 г. выходят две серии, посвященные «карикатурному конфликту» 2005–2006 гг. «Мультпликационные войны» 1–2, однако сцена с участием пророка

Мухаммеда не демонстрируется. В РФ «Три поросенка» и другие сказки, где герои свиньи, оказались под угрозой изъятия — звучат требования изгнать из программы «Спокойной ночи, малыши!» Хрюшу, запретить мультфильм про свинку Пеппу и прекратить выпуск книг с изображением свиньи.

В современном постмодернистском мире, помимо мусульманского, актуализируется также иудаистский дискурс: распространенными понятиями становятся «поп-Каббала» и «лайт-Каббала», глобальным медийным (голливудизация мира) фактором является переход Мадонны в иудаизм. Восторг подобного рода артикулирует американский иудейский теолог С. Хайльмен: «энтузиазм Мадонны показывает, насколько постоянными стали еврейские специи в американской пище, хотя евреи составляют всего лишь два процента населения Соединенных Штатов.

Обращение Мадонны можно сравнить с попыткой сенатора Либермана выдвинуть себя кандидатом в президенты США. Сейчас христиане все чаще женятся на еврейках, их дети посещают хедер... Евреи вдруг стали казаться американцами более, чем какая-либо иная группа иммигрантов» [9]. К данному направлению, помимо Мадонны, относятся и такие «звезды» шоу-бизнеса, как Б. Спирс, Н. Кэмпбелл, Д. Мур, Э. Катчер, Э. Тейлор, Г. Хоун, Д. Бэкхем и В. Бэкхем, В. Райдер, М. Джаггер, Б. Стрейзанд и др.

Масс-медийная пропаганда якобы не проходит даром — в современное сознание вводятся новые понятия и смысловые связи: Машиах-Мессия, который придет в мир со спасительной миссией; мировая религия, берущая начало в иудаизме; Иерусалим как мировая столица, и евреи как управляющая нация. Принятие данных тезисов влечет за собой вытеснение архетипов христианской культуры (Христос не пришел, Он только должен прийти; тот, что приходил — не Христос), массово изучать иудейскую мистику теперь предлагают и в России. Поскольку большинство влиятельных мировых персон — евреи, и мечта о планетарном Царстве Израиля вкупе с мистикой Каббалы с успехом прижилась в их среде, распространение Каббалы формирует и модулирует прообраз будущей универсальной этики и идеологии нового мирового порядка [9].

Таким образом, культуру современного глобального этоса можно рассмотреть под углом зрения проблемной взаимосвязи религии и политики. Я как сотрудник научно-исследовательского центра «Компаративистских исследований религии» при философском факуль-

тете Одесского национального университета имени И. И. Мечникова могу констатировать, что происходящие процессы политизации религиозной среды и клерикализации светского государства ощутимым образом влияют на культуру, впрочем, как и конвергентные процессы современного мира.

Современное глобальное сообщество демонстрирует различные констелляции культурных идентичностей: религиозных фундаменталистских и правоконсервативных движений, мессианских представлений, религиозно-политической картины мира граждан и церковно-государственной апологетики. Культурная политика может проявляться в виде таких оффлановых разновидностей американизации как конвергентного процесса современной культурной и религиозной жизни: макдональдизации, кока-колонизации и барбизации, и онлайн-голливудизации, диснейлендизации и симпсонизации. Маркером культурной и религиозной глобализации являются межконфессиональный туризм и межрелигиозные паломничества, пробуждение неоархаики и ориентализация мирового сообщества. Глобализация культуры знаменует также появление массовых эклектических форм религии.

* * *

1. *Кантеров И. Я.* Клерикализм — идеология духовного насилия. М.: Педагогика, 1986. 192 с.
2. Культ Барби. — URL: <http://www.salon-ukraine.com.ua/index.php/journal/97000> (дата обращения: 10.08.2013).
3. *Мартынюк Э.* Конвергентные процессы в религиозной жизни во второй половине XX в. // Науково-дослідний центр компаративістських досліджень релігій філософського факультету ОНУ. Одеса, 2002. С. 37–48.
4. Новейшее Средневековье. Религиозная политика России в контексте глобальной трансформации. Доклад Института национальной стратегии // Стратегический журнал. 2006. № 2.
5. *Нуриев И.* Голливуд «раскручивает» образ «врага-мусульманина». — URL: <http://www.islam.ru/pressclub/islamofobia/enemy/> (дата обращения: 15.08.2013).
6. *Разумовский Д. А.* Рождество в эпоху постмодерна. — URL: <http://www.rsnews.net/index.phtml?show=article&id=7262&lang=RUS> (дата обращения: 20.08.2013).
7. Философы. Бердяев Николай Александрович. — URL: <http://intencia.ru/Filosof-view-1.html> (дата обращения: 21.10.2013).
8. *Строев С. А.* Постисторическая виртуальность как итог глобализации. — URL: <http://russoc.by.ru/Doctrina/Postistor.txt> (дата обращения: 22.06.2013).

9. *Стуруа М.* Мадонна перешла в иудаизм. О моде на Каббалу, еврейскую мистику, и о том, что из нее может выйти. — URL: <http://www.peoples.ru/art/music/pop/madonna/history1.html> (дата обращения: 13.12.2013).
10. *Berger P. L.* The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. Washington, D.C.: Ethics and Public Policy Center, 1999.
11. *Hanson E. O.* Religion and Politics in the International System Today. Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, Sao Paulo: Cambridge University Press, 2006. 345 p.
12. *Hubert Muller.* Religion and Freedom in the Modern World. Chicago, 1963.
13. *Issa W.* Fatwa debate takes centre stage. — URL: <http://gulfnews.com/news/gulf/uae/media/fatwa-debate-takes-centre-stage-1.68389> (дата обращения: 29.10.2013).
14. *Jacoby S.* Freethinkers: A History of American Secularism. New York: Metropolitan Books, 2004.
15. *Jenkins P.* The Next Christendom: The Coming of Global Christianity. Oxford: Oxford University Press, 2002.
16. *Martin D.* Pentecostalism: The World Their Parish. Oxford: Blackwell, 2001.
17. McDonald's goes to church — fast-food franchise within church complex. — URL: http://findarticles.com/p/articles/mi_m1365/is_2_32/ai_77482609/ (дата обращения: 21.10.2013).
18. *McLeod D.* Academic claims musicals are the new religion // The Guardian. 2004. 29 September